

В СЕРИИ «МИРЫ БЕЛАШ» ВЫШЛИ:

«ВОЙНА КУКОЛ»:

Война кукол

Роботы-мстители

Кибер-вождь

«КАПИТАН УДАЧА»:

Капитан Удача

Человек Удача

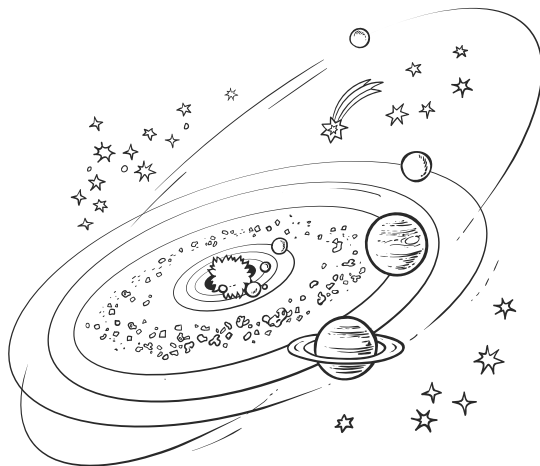
Эксперт Удача

ВНЕ ЦИКЛА:

Имена мёртвых

Тайная власть

*Людмила и Александр
Белаш*

ЧЕЛОВЕК УДАЧА

МОСКВА
Т8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б43

Белаш, А. и Л.

Б43 Человек Удача / А. и Л. Белаш. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 504 с. — (Миры Белаш).

ISBN 978-5-521-73492-4

Опасная работа в космосе — отогнать судно-развалюху на планету-свалку. Экипаж из киборга и двух иномиряннок скоро понимает, что они попали в безвыходную западню. Но командира зовут Капитан Удача; заодно с командой он готов сразиться с любым врагом.

В джунглях Планеты Монстров кишат чудовища, однако куда страшнее подлые дельцы и продажные чиновники. Они могут любого стереть из баз данных, лишить имени, виртуально уничтожить — любого, кроме Фортуната. Он вернётся с того света, и тогда кое-кому не поздоровится.

BIC FLS
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73492-4

© Александр и Людмила Белаш,
текст, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Часть 1

Эскорт

*Говорят, когда корабль проклят,
на нём всегда появляется кто-то лишний.*

Джеймс Мэтью Барри
«Питер Пэн и Венди»

Все действующие лица и события романа вымышлены.
Любые совпадения с реальными лицами и событиями
являются случайными.

Блок 1

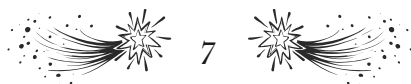
Среда, 10 января 6245 года
Станция «Скайленд-4»

а минувшие сутки у нас двести семьдесят два умерших, — безрадостным тоном доложил старший медик. — Выявлено четыреста двадцать восемь заболевших на стадии катаральной ангины; все изолированы. Тысяча семьсот сорок восемь человек на разных этапах лихорадочной стадии, из них у двухсот пяти критическое состояние. Мы не владеем ситуацией, она вышла из-под контроля.

Собрание из главных спецов и руководства станции, именуемое чрезвычайной комиссией, слушало его речь, как панихиду. Станция «Скайленд-4», способная за год обслужить на своих причалах до трёх тысяч космических кораблей суммарной валовой вместимостью до 2,5 гига-тонн, быстро превращалась в гибрид заразного барака с моргом.

— Мы регулярно информируем Федеральный центр инопланетных инфекций, телевидение и службы новостей... Персонал и транзитные пассажиры строго разобщены по карантинным правилам, — продолжал бубнить

медик № 1. — Вентиляционные системы снаряжены стерилизующими фильтрами. Тем не менее новые случаи возникают вне зависимости от профилактических мер... Заболевают даже привитые; это более чем странно, потому что вакцина...

— Ваши предложения? — перебил врача начальник станции; как и многие, он лично отсутствовал на совещании, довольствуясь селекторной связью. Точнее, он забаррикадировался в кабинете.

— Автоматический корабль-торпеда с грузом иммуноглобулина ожидается прибытием завтра, в 07.20, и везёт тридцать тысяч доз. Клипер-курьер с бригадой инфекционистов отстаёт от автомата на двадцать два часа.

— То есть вы не имеете, что предложить комиссии?

— Наши возможности исчерпаны. Медблок не рассчитан на такое количество больных. Мы используем все помещения, пригодные по режимным требованиям.

— Никакой госбюджет не в силах постоянно держать на станции роту медиков и склад лекарств, — подал голос Сато, комиссар службы безопасности «Скайленд-4».

От его нежного голоса лицо начальника станции дивно преобразилось, словно ему поднесли блюдо живых стоножек и сказали: «Надо съесть».

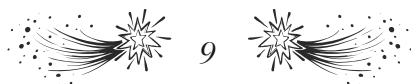
Сато сослали на «Скайленд» из главка федеральной безопасности за вопиюще нестандартный образ мыслей. Он там всех шокировал своим длинным кафтаном зелёного бархата, белыми волосами ниже плеч, синими ресницами и алым маникюром. Мы-де живём в свободном мире, и если не обязаны носить мундир, то можем надевать, что в голову взбредёт. Мало того — Сато стойко воображал, что он не землянин, а туанец. Это дало повод заподозрить его в нелояльности и со свистом вышвырнуть на объект, висящий в пустоте вдали от обитаемых планет. Как компромиссный вариант, Сато предлагали удалить часть мозга и заменить её микрочипом, корриги-

рующим раздвоение личности, но он возмущённо отказался — «Я кадровый офицер, моё самосознание, мои права» и т.д. — вот и вылетел с престижного места.

Ладно бы комиссар один здесь так чудил. В замкнутом коллективе, дуреющем от скуки в угаре однообразной работы, такой павлин необходим хотя бы как мишень для острот. Но Сато недолго вздыхал в одиночестве — наворковав тысячи на полторы бассов по межпланетной связи, он поочерёдно выкликал сюда пятерых таких же сдвинутых. Начальник руками всплеснуть не успел, как служба безопасности стала состоять из гермафродитов, томно мяукающих меж собой по-туански. Казённое жильё Сато превратилось в салон, где эти промежуточные существа возлежали на туанских диванах, смотрели туанские мультфильмы, читали вслух стихи и биографии монархов ТуаТоу и крохотными ложечками ели туанские кушанья.

Начальник на своей шкуре убедился в том, что люди знали до него несколько тысячелетий — стоит в штате завестись одному-единственному «гномосексуалисту», как он наводнит учреждение себе подобными. Не раз он вызывал Сато в кабинет, чтобы поставить ему на вид возмутительное поведение безопасников, но добился лишь того, что между ним и комиссаром стали подозревать любовную связь (от одних этих слухов можно было взбеситься), а Сато, обрисовывая губы жемчужно-лиловой помадой, жаловался своим сотрудникам: «Ах, эти натуралы, эти нормалы — как же они нетерпимы и несносны!»

В общем, комиссар много чего позволял себе, но дальше ссылать его было некуда, а отрешить Сато от должности не позволяла квалификация — как ни крути, специалистом он был первоклассным. Так он и жил на «Скайленде», распространяя вокруг себя тлетворно-сладкий яд извращённой и чуждой культуры туанской империи.

На собрании Сато расположился в отдалении от остальных, перебирая белыми холёными руками самоцветы на невидимой монопонти. Синие ресницы его мерно взмахивали крыльями, нарисованные брови на лицемаске не шевелились.

— Я бы рекомендовал, — продолжил он, искусно выдержав паузу, вызванную его неприятной фразой, — вернуться к документу, известному присутствующим как «завещание Мерфанда».

Документ был известен комиссии с понедельника, и вытащил его на свет всё тот же пронырливый Сато. Но за минувшие 48 часов обстановка так усложнилась, что больше приходилось думать о собственном завещании, о запрете на вылет со станции, о родных и близких, страдающих где-то в межзвёздной дали, но никак не о последней воле какого-то проезжего пассажира, выраженной в лихорадочный период болезни. Старший медик уже высказался в том смысле, что умерший Кэн Мерфанд при жизни состоял в эзотерической секте и даже возглавлял общину, что никак не свидетельствует о твёрдом душевном здоровье, а при явлениях нейротоксикоза такой неуравновешенный человек способен написать любую чушь.

Сато, напротив, полагал, что для умирающего — а Мерфанд был одним из семнадцати, скончавшихся в воскресенье — Учитель Кэн продемонстрировал редкое хладнокровие и ясность мысли.

— Я позволю себе выборочно процитировать. Итак: *«Мой багаж опасен для всех. То, что он вывезен с Арконды на законном основании, не должно вводить вас в заблуждение. Это материальный феномен с огромным внечувственным потенциалом. Он развивается во времени и всё активней действует на окружающее зловещим образом. Защититься от него вы не сможете. Я сам стал его жертвой, и многие последуют за мной, если вы не исполните это завещание. Багаж*